

Философские науки

УДК 1(091)

А.А. Силаева

Силаева Алина Алексеевна, студентка 3 курса Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, ул. Чернышевского, 3),
e-mail: silaevaa14@gmail.com

Научный руководитель: **Торопов Павел Борисович**, кандидат педагогических наук, доцент Института образования Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград, ул. Чернышевского, 3), e-mail: PТoropov@kantiana.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СВОБОДЫ У С. ЛЕВИЦКОГО И В. БИБИХИНА

В статье рассматриваются взгляды философов С. Левицкого и В. Бибихина на понятие свободы, ее проблематика, а также интерпретация данного понятия в трудах Г.В.Ф. Гегеля, М. Хайдеггера и З. Фрейда. Рассматривается концепт негативной свободы, ее критика, детерминизм свободы в новой русской традиции и свобода воли. Обсуждается возможность обретения позитивной свободы.

Ключевые слова: С. Левицкий, В. Бибихин, М. Хайдеггер, психоанализ, свобода.

A.A. Silaeva

Silaeva Alina Alekseevna, 3rd year student of the Immanuel Kant Baltic federal university (3, Chernyshevskogo st., Kaliningrad), e-mail: silaevaa14@gmail.com

Research supervisor: **Toropov Pavel Borisovich**, candidate of pedagogical sciences, associate professor of the Institute of education of the Immanuel Kant Baltic federal university (3, Chernyshevskogo st., Kaliningrad), e-mail: PToropov@kantiana.ru

S. LEVITSKY AND V. BIBIKHIN'S CONCEPTUALISATION OF FREEDOM

The article examines the views of philosophers S. Levitsky and V. Bibikhin on the concept of freedom, its problematics, as well as the interpretation of this concept in the works of H.W.F. Hegel, M. Heidegger and Z. Freud. The concept of negative freedom and its criticism, determinism of freedom in the new Russian tradition and freedom of will are considered. The possibility of gaining positive freedom is discussed.

Key words: S. Levitsky, V. Bibikhin, M. Heidegger, psychoanalysis, freedom.

В философии важное место занимает аксиология – раздел о ценностях [3, с. 24-25]. При размышлениях на тему свободы возникает вопрос: субъект подвержен власти ценностей или может поступать, лишь исходя из свободы своей воли? На первый взгляд может показаться, что истинная свобода – в альтруизме (отрешении от ценностей), когда субъект, не получив выгоды от свободы, совершает действия, следуя собственным прихотям [3, с. 187]. На наш взгляд, это не совсем так: человек может быть добродетельным из страха перед божественным наказанием или общественным порицанием – об эгоистичной сущности альтруизма говорил еще французский философ-моралист Ф. Ларошфуко. Не без влияния взглядов последнего русский философ С. Левицкий приходит к выводу: «эгоизм и эгоцентризм – настолько прирожденные свойства человеческой природы, что, даже пытаясь бороться с ними, человек то и дело оказывается в их власти» [3, с. 194].

Личность всегда «сама в себе», «не от мира сего» – этим она свободна от влияния установок других людей.

Одной из важных ценностей, по мнению Левицкого, которая будет склонять субъекта к тому, чтобы его действие было свободным, является стремление к признанию. Если ранее Левицкий пишет, что самоутверждение есть чувственный опыт [3, с. 261-262], низший, по-кантовски патологический, а значит, несвободный, то в «Трагедии свободы» его мнение меняется: жажда признания есть одна из причин свободы. Левицкий ранее уже показывал, что изучал и воспринимал всерьез Фрейда, но теперь спорит с ним и затрагивает главный атрибут свободы в теории психоанализа – чувство вины, поскольку свободное действие – это противоречие закону (как моральному, так и уголовному).

Но что произойдет в случае такого противоречия Закону? Левицкий заявляет, что свободой нельзя злоупотреблять. В противном случае мы окажемся в ситуации злой воли [3, с. 197], бесстыдства. Левицкий называет свободу необходимым условием морали. И, действительно, добродетель, понимаемая как жизнь в соответствии с моральным долженствованием, достигается не иначе как свободным действием, личным выбором. Вся этическая жизнь субъекта, который ежедневно выбирает, насколько ему быть согласованным с моральным ориентиром, является свободной волей: он сам вправе решать, занимать ему демоническую (по Кьеркегору) сторону или богоугодную.

Если свободное действие – это личный выбор, то свобода личности – это свобода от детерминации. Однако важно не оставаться в негативной свободе, которая только отрицает влияние, в то время как позитивная – условие для достижения цели [4, с. 36]. В этой связи классик немецкой философии Г.В.Ф. Гегель определял свободу как возможность отрицания чего-то [2, с. 59-62], что в целом аналогично определению «отрицательной свободы» Левицкого, так как свобода от обусловливания своего поведения обществом или чувствами – это способность отрицать их влияние, не

поддаваться на их уловки. «Любить истину ради истины, любить добро ради добра может лишь существо свободное, <...>» [3, с. 199-200]. Несмотря на схожесть своих суждений с Гегелем, Левицкий выступает против такой свободы, заявляя, что ее, во-первых, невозможно определить, так как любое ее рациональное определение можно будет свести к детерминации от «произвола», неследования; во-вторых, стремление к воплощению чистой отрицательной свободы есть не что иное, как безумие. Свободный человек должен признаваться таковым не потому, что не следует каким-то предписаниям, а потому, что готов быть свободным от предписаний ради конкретной ценности, например, ради Истины.

Если затронуть вопрос жажды признания, она также не должна быть индивидуальной, субъект должен актуализировать некую всеобщую идею. Левицкий затрагивает эту проблему, которая характерна для его взглядов на этику и свободу: личные ценности зависят от субъективности природы и являются относительными, настоящая свобода обретается только при служении чему-то всеобщему, а потому сверхличному. Добро, как замечает философ, не только обладает самоценностью, но и нуждается в отречении от произвола и личной выгоды.

Таким образом, из объекта, которым является человеческое тело, превращение в субъекта происходит только посредством обретения идеи (к примеру, уже упомянутой Истины) [1, с. 130-131], а для жизни идеи необходима свобода – избавиться от старого, чтобы основать новое.

Каким образом можно избавиться от этих старых идей, стать свободным? Только посредством рационализации субъекта. Свобода мыслить – готовность и принятие субъектом того, что он может быть по-детски наивным и простым, – является необходимым условием для создания новой идеи, то есть свободы как таковой. Выражению такой свободы, ее актуализации всегда противостоит закон, но именно он и порождает саму свободу как нежелание следовать ему [1, с. 146-148]. Такая свобода – быть кем-то другим, отличным от общества, на наш взгляд, часто побеждает.

Например, христианство добилось положения мировой религии именно этим [1, с. 285].

Без воли и разума (осознанности, готовности проектировать) не было бы государства как воплощения идеи свободы. В. Бибихин утверждает, что свободному действию может сопутствовать риск погубить все человечество [1, с. 122-123] (например, ядерные технологии). При этом, по мнению Бибихина, некоторые вещи могут только таким путем и создаваться (они нуждаются в свободном субъекте как своем учредителе) – для их воплощения от субъекта требуется ответственность. Таким образом, даже для свободы может быть необходима ответственность, что разоблачает теорию абсолютной свободы.

В абсолютной свободе есть еще один проблематичный момент, который препятствует ее реализации (достижению свободой своей абсолютности): если совесть бескорыстна [3, с. 196], то это значит, что совестливый человек свободен от экономических выгод, преодолевая ту несвободу, к которой принуждает капитал. Тем не менее, он находится в зависимости уже от духовной сферы, а не материальной, и по-настоящему свободным ему стать трудно. Таким образом, проблема состоит в том, чтобы примирить материализм и религиозность, например, через религию, для которой материальная сфера угодна Богу или богам.

Левицкий выделяет основные проблемы свободы, мешающие ее осуществлению: ее ограниченность, насколько свободен выбор человека и т.д. [3, с. 262-263]. О первом он утверждает весьма кратко: физические и биологические законы ограничивают субъекта, но эти ограничения весьма недолговечные, исходя из достижений человечества в области науки, техники и т.д.

Позиция Левицкого во многом схожа с философией М. Хайдеггера, который считал, что человека делает субъектом та его особенность, что он не имеет какой-то установленной до него программы и сам ее творит [3, с. 461],

правда, с ограничениями: варианты всегда рассматриваются не все, только исторически сложившиеся.

В свою очередь, Бибихин, хотя и не затрагивает тему свободы субъекта прямо, он заявляет о своих взглядах, на основе которых можно выделить его позицию относительно свободы личности. Например, он разделяет взгляды Гегеля насчет ограниченности и абсолютной свободы. Гегель и Бибихин заявляют, что необходимо примириться с действительностью. Но речь здесь идет не о рабском смирении (в том смысле, в котором Раб у Гегеля перед риском смерти отступает от своих желаний) [1, с. 127]. Концепт данных философов – экономический: они учитывают количественные силы, условную энергию субъекта, предостерегают его от лишних затрат и бесполезной активности, которая ни к чему не приведет.

Что касается детерминизма субъекта и дилеммы свободы вообще, то Бибихин и здесь остается гегельянцем, но также не противоречит представлениям Левицкого: он рассматривает понятие воли и ее независимость, ее свободу. Здесь философ ставит ключевой вопрос: воля есть последняя надежда человека на свободу, так как он волен распоряжаться ей по своему усмотрению, или она в определенном смысле симптоматична и лишь преследует те цели, которые ставит человек под влиянием своих мотивов и влечений? Он объясняет, почему в своей теории считает эту проблему несущественной: она недоказуема и непроверяема, все выяснения «мотивов», «причин события» проводятся лишь постфактум, тем самым слабо влияя на поведение субъекта. Левицкий также отвергает психологизм, идею воли, мотивацию, так как в психологии всегда есть место субъективизму, невозможности подтвердить концепты. В качестве одного из аргументов этого утверждения он приводит знаменитый афоризм Спинозы: «свободно падающий камень, будь он мыслящим, считал бы что падает из собственной свободной воли» [3, с. 264-265]. Это и говорит о том, что восприятие несущественно в деле познания Истины, психологизм в таком случае отвергается справедливо.

Что касается Бибихина, то он замечает особенность оправдания свободы воли субъекта: будь воля субъекта определяема мировыми причинами (детерминизм) – нет никакой объективной морали, – значит, субъект лишь историческое существо со своим комплексом культурной определенности. Мораль и Истина в таком случае считаются универсальными, незыблемыми.

Левицкий выступает против такой историчности субъекта, но в той или иной мере согласен с мнением французского философа А. Бергсона [3, с. 362]: выборы определены пространством и временем, никаких готовых решений нет. Из этого следует, что поток сознания, как изучение вариаций Поступка субъекта либо обусловлен (значит, определен временем и пространством), либо самосознание обладает свободой воли, выполняет навигационную функцию для субъекта. При этом, свобода – это возможность создавать вариант выбора самостоятельно, не сводя его к готовым решениям, «рецептам» Поступка (и уже упомянутому изучению его вариаций) – вот что является главным свойством свободы по Левицкому. Здесь он разделяет точку зрения Лосского на обязательный творческий аспект свободы. Иначе ни о какой независимости не могло быть и речи – «мы были бы рабами выбора» [3, с. 359].

Что касается соприкосновений творчества (как создания собственного выбора) и свободы, здесь Левицкий не терпит никаких иллюзий: невозможно творить что-то ценное при отсутствии рутины (как минимум той рутины, что требуется для оттачивания творческих навыков), при абсолютной свободе [3, с. 363-364]. Возникает вопрос: что заставляет субъекта творить, если он абсолютно свободен? Левицкий заявляет, что аспекты свободы – это творчество и смерть. Счастлив тот, кто может умереть – у него есть больше причин примкнуть к вечному, задуматься над эпохой и противопоставить себя ей. Не менее награжден талантливый человек, который своими творениями способен проложить себе дорогу к вечному.

Этот взгляд на проблему смерти перекликается с суждением Хайдеггера: человек абсолютно смертен, ему не победить собственную смерть, она не считается с его желаниями. Но именно осознание этого делает человека бесконечно свободным, так же, как и бесконечно ответственным за свою жизнь, поскольку в случае ее осмысления в мире ином субъект будет сожалеть о тех вещах, которые не воплотил [3, с. 463].

Что касается детерминизма у Левицкого, то он ограничивается дилеммой Буриданова осла [3, с. 267], но в ней существуют всего два исхода: первый – отвержение аксиоматики, следовательно, и теории в целом; второй – принятие аксиом философской системы. При первом исходе и опровержении свободы воли субъект с неизбежностью сталкивается со своей исторической природой (нечто произошло в прошлом, что определило его настоящее). В таком случае незыблемость христианской морали – миф (в философском смысле этого слова – нечто фантазматическое, но тем не менее влияющее на реальность и являющееся ее частью), поддерживаемый Церковью и проповедниками, – показывает свою бессмысленность. При этом, если субъект и освободится от христианской морали, он может никогда и не нарушить ее, не впасть в грех – у него не будет соответствующих желаний, потому что, как уже было выяснено, Желание – это изнанка Закона, нарушение запрета. То есть, желание грешить обусловлено самим понятием греха.

В заключение своего труда о свободе, в последнем абзаце, Левицкий пишет: «свобода есть шанс и риск» [3, с. 489]. Но о свободе как спонтанности, субстанциональности говорит и Хайдеггер, отсылая еще к тому концепту свободы, который выработал И. Кант. Правда, по Канту такая свобода – это отрицание только чувственного опыта: он еще исполнен верой в Бога и не смеет помыслить свободу разума как безучастность по отношению к религиозности или прогрессу, чего нельзя сказать о Левицком [4, с. 166-167].

Итак, Левицкий и Бибихин имеют схожие концепты относительно свободы, что объясняется влиянием на них Гегеля. Русские философы

говорят о том, что свобода тесно связана с жадой признания, строится вокруг нее. Свободным действием является то, которое стремится к обретению признания, другими словами – к актуализации своей Самости (по Хайдеггеру, уникальности субъекта).

Оба русских философа также высказываются против безразличия, глухоты к тем условиям, в которых находится субъект. По мнению философов, он не должен противостоять природе, но должен подчинить ее себе во благо.

Левицкий считает, что свободу дает в первую очередь творчество – это и есть самовыражение, актуализация субъекта, так как он не может творить «безлично», он непременно закладывает в свои творения хотя бы часть себя. Бибихин же считает, что творчество аналогично тем историческим условиям, в которых живет субъект. В этом различие подходов философов: если Левицкий дает место свободе воли, уникальности субъекта, то Бибихин настаивает на его предопределенности – от субъекта лишь зависит, насколько глубоко он будет развивать свою связь с историей.

Список используемой литературы:

1. *Бибихин, В.В.* Собственность. Философия своего / В.В. Бибихин. – СПб.: Наука, 2012. – 536 с.
2. *Кожев, А.* Введение в чтение Гегеля / А. Кожев; пер. с франц. А.Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2003. – 792 с.
3. *Левицкий, С.А.* Трагедия свободы: избранные произведения / С.А. Левицкий. – М.: Астрель, 2008. – 992 с.
4. *Хайдеггер, М.* О существовании человеческой свободы: введение в философию / М. Хайдеггер; пер. с нем. А.П. Шурбелев. – СПб.: Владимир Даль, 2018. – 416 с.